

Доклад на международном семинаре «Структурные изменения в сельском хозяйстве в конце XIX — XX вв.» (Франция, г. Париж, 1993 г.)

Иван Ковальченко
(Москва)

Формирование единого сельского рынка рабочей силы
в Европейской России в конце XIX — начале XX вв.

1. Постановка проблемы.

Основной чертой аграрного развития России после отмены в 1861 г. крепостного права были рост специализации сельскохозяйственного производства и развитие товарного, торгового земледелия, которое было основной отраслью этого производства. По примерным расчетам, ибо систематического учета объема товарной продукции не велось, товарность зернового производства составляла в Европейской России в середине XIX в. приблизительно 18 %, а в начале XX в. — треть валового сбора. К началу XX в. Россия стала одним из крупнейших экспортеров зерна. Указанные сдвиги происходили в условиях заметного повышения общего уровня земледельческого производства. Так, к началу Первой мировой войны (в среднем за 1909—1913 годы) сравнительно с 70-ми годами XIX в. чистые сборы зерна и картофеля выросли (в перерасчете на зерно) в расчете на душу населения на треть (с 2,68 до 3,53 четвертей или с 340 до 452 килограмм).

Особенностью России было то, что из двух форм организации сельскохозяйственного производства, крупного (или помещичьего) и мелкого (или крестьянского), все в большей мере господствующую роль играло хозяйство крестьянское*. Так, в земледелии в 50-х годах XIX в. на долю помещиков приходилась примерно пятая часть (21,9 %) всех посевов, а в 1916 году — лишь десятая часть (11,3 %).

Упала доля помещиков и в производстве товарного хлеба с примерно половины его общей массы на первом рубеже до одной пятой — на втором.

Аналогичным было положение и в сфере скотоводства. На долю помещиков приходилось в 1900 г. 15,3 % рабочего и 17,9 % всего скота, а в 1916 г. соответственно 6,2 % и 5,7 %.

Иным было положение в сфере землевладения. Так, по данным земельной переписи 1905 г. в Европейской России из 219 млн десятин крестьянских и частновладельческих земель на долю владе-

* См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

ний с размером более 50 десятин (которые обычно и относят к категории помещичьих) приходилось 79,3 млн десятин, т. е. 36,2 %*.

Понятно, что ярко выраженное несоответствие между долей мелкого и крупного, крестьянского и помещичьего хозяйства в производстве и землевладении не могло не порождать острых социально-экономических противоречий. О важнейших из них будет идти речь ниже. В данном же случае подчеркнем, что основным базисом формирования в России единого (в государственном масштабе) аграрного рынка было мелкое крестьянское хозяйство.

Второй общий момент, который следует иметь в виду, рассматривая процесс формирования в конце XIX — начале XX в. единого аграрного рынка вообще и сельского рынка рабочей силы в частности, связан с пониманием того, что такое «рынок» вообще и «единый рынок» в особенности. Здесь прежде всего надо отметить, что рынок — явление неоднозначное, что поэтому нельзя говорить о рынке вообще, ибо рынок вообще — это лишь один из общественных способов сбыта одними и приобретения другими продуктов человеческой деятельности.

В простейшей своей форме рынок выступает как арена обмена и купли-продажи определенной продукции. В этом своем выражении рынок возникает с момента появления разделения труда и везде существует до сих пор. Ценообразование на подобном рынке определяется соотношением спроса и предложения на продукт, потребностью в продаже для одних и в купле для других.

Следующим этапом в развитии рынка было возникновение простых товарных рынков. Они формировались по мере развития товарного производства, т. е. производства продукции, предназначенной для продажи. По мере развития этого производства возникала потребность в выработке объективных основ ценообразования, ибо соотношение спроса и предложения, определявшееся множеством различных причин, во многом было случайным. В итоге основой ценообразования стали издержки производства, определявшиеся общественно-необходимыми затратами на изготовление товаров того или иного рода при существующих условиях их производства. Так сложилась стоимостная основа ценообразования и возник закон стоимости, придавший ценообразованию единую объективную основу. Соотношение же спроса и предложения определяло лишь отклонение цен от стоимости товаров.

Формирование простых товарных рынков и стоимостной основы ценообразования также уходит своими корнями в глубь веков. Простые товарные рынки могли обслуживать и обслуживали различные в социальном отношении и по своим размерам формы производства (рабовладельческое, феодально-крепостническое, капиталистическое, крупное, мелкое и т. п.).

* Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1969. С. 24.

Складывание единых, простых товарных рынков проходило через определенные этапы по мере установления единства проявления закона стоимости в определенном пространственном ареале. Это единство выражалось в сопряженности изменений цен. В этом плане формирование единых товарных рынков шло по линии превращения мелких местных рынков в крупнорегиональные, а этих последних — в общегосударственные и международные, а затем — и в единый мировой рынок.

Потоварный процесс складывания единого рынка в своей завершающей стадии приводит к тому, что возникают единые рынки не только на продукты производства, но и на орудия и средства производства и на рабочую силу. Хорошо известно, что указанный всеобщий товарный характер общественное производство приобретает на сравнительно высокой стадии развития капитализма. Поэтому и единый рынок на этой стадии его развития в отличие от простого товарного рынка терминологически можно определить как рынок капиталистический. Он складывается по мере того, как формируются единые товарные рынки на продукты производства, средства производства и рабочую силу.

Капиталистический рынок существенно отличается от простых товарных рынков по процессу ценообразования. На простом товарном рынке, как указывал К. Маркс, «производители товаров как таковые противостояли друг другу», независимо от общественных условий производства. На капиталистическом же рынке «товары обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов»*. Свободное же обращение капиталов во всех сферах их приложения требует, чтобы равные затраты капитала приносили и равную среднюю прибыль. Эта прибыль должна включаться в цену товаров. Поэтому если на простом товарном рынке цены на товары определяются их стоимостями, т. е. общественно-необходимыми издержками производства, то на рынке капиталистическом в основе цен лежат цены производства, которые равны «издержкам производства плюс средняя прибыль»**.

Таким образом, капиталистическое производство — высшая, всеобщая форма товарного производства, а единый капиталистический рынок — высшая из известных истории форма рынка. Поскольку рабочая сила является определяющим компонентом производства, постольку формирование единого рынка рабочей силы выступает важнейшим аспектом в складывании единого, в данном случае аграрного, капиталистического рынка.

Из сказанного очевидно, что конкретной основой для изучения процесса складывания и выявления степени развития любого товарного рынка могут быть систематические данные о ценах на соответствующий товар. При наличии таких данных проблема сво-

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 192, 213.

** Там же. С. 172.

дится к выбору или выработке таких принципов и методик их обработки и анализа, которые позволяют проследить во времени и пространстве процесс сглаживания различий в ценах, их нивелировку, а также тесноту взаимосвязи их изменений. Такие методы хорошо разработаны в математической статистике.

2. Источники и методы изучения.

По концу XIX — началу XX вв. историки располагают систематическими статистическими данными о ценах на сельскохозяйственную продукцию, землю, тягловый и продуктивный скот и рабочую силу. Они собирались Министерством земледелия и государственных имуществ ежегодно, начиная с 1881 г. по 1915 г., через сеть добровольных корреспондентов по всей территории Европейской России (а в начале XX в. менее полно и по другим районам страны). По каждой губернии поступали сведения от нескольких десятков независимых корреспондентов. Они обобщались в Министерстве и публиковались как средние показатели по каждой губернии в специальных ежегодных изданиях*. В целом эти данные обладают высокой достоверностью и представительностью.

Данные о ценах на рабочую силу в деревне фиксировались на три момента сельскохозяйственного сезона — на период посева, сенокоса и уборки урожая с учетом того, находился ли работник на собственном или хозяйском содержании. В последнем случае зарплата рабочего была, естественно, ниже. В настоящем докладе рассматриваются цены на рабочую силу в период уборки урожая, т. е. в наиболее напряженный период сельскохозяйственного сезона.

Для выявления сдвигов в динамике цен на сельских наемных рабочих было выделено два пятнадцатилетних периода: 1883—1898 гг. и 1899—1913 гг. По каждому из этих периодов проводилось аналитическое выравнивание динамических рядов цен по каждой губернии (их было в Европейской России 50) и определялись уровни цен, отражающие общую тенденцию их изменений, и временные тренды, характеризующие направление (повышение или сокращение) этих изменений и их скорости. Это позволяет раскрыть процессы как нивелировки, так и дифференциации цен в процессе формирования единого рынка сельских наемных рабочих.

Но основным при математико-статистической обработке динамических рядов цен было выявление сопряженности, тесноты взаимосвязи их изменений, ибо именно она позволяет установить пространственные границы, в пределах которых изменение цен прежде всего определялось едиными для данной территории факторами, а именно сходством условий воспроизводства рабочей силы.

* См. издание «1881 год в сельскохозяйственном отношении», охватывающее каждый год за период 1881—1915 гг.

Средством решения указанной задачи является корреляционный анализ временных рядов цен на соответствующий товар, в данном случае цен на сельских наемных рабочих. Для этого вычислялись коэффициенты корреляции изменений цен на рабочую силу в каждой губернии с каждой из остальных губерний на два временных периода — 1882—1891 гг. и 1903—1913 гг.

Количественным показателем преобладающего воздействия на изменения цен общих для той или иной совокупности губерний факторов является коэффициент детерминации, равный квадрату коэффициента корреляции. Значит, при коэффициентах корреляции, превышающих 0,71, коэффициент детерминации будет более 50 %, т. е. можно утверждать, что изменения цен в соответствующей совокупности территориальных единиц (в данном случае губерний) в большей мере определялись едиными для них факторами, чем факторами местными. Тем самым выявляются пространственные границы единого проявления закона стоимости.

3. Численность сельских наемных рабочих и их размещение.

В России существовало несколько категорий сельских наемных рабочих. Во-первых, это — постоянные наемные рабочие. Во-вторых, это — сезонные, или сроковые, рабочие. В-третьих, это — поденщики, работающие по найму в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственного сезона, т. е. в период сенокоса и особенно уборки урожая.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. постоянные наемные сельские рабочие насчитывали в Европейской России около двух миллионов человек (1838,7 тыс. чел.). По сведениям обследования, проводимого в 1900 г., местными земледельческими заработками, т. е. постоянной, сезонной и поденной работой было занято 3770 тыс. человек. Кроме того, 3776 тыс. человек были заняты отхожими заработками. Большинство из них были сельскими наемными рабочими. Общее число сельских наемных рабочих в Европейской России составляло в начале XX в. приблизительно 5—6 млн человек, т. е. примерно 15 % к общей численности всех сельских работников.

Распределение сельских наемных рабочих по территории Европейской России было неравномерным. Наиболее широко постоянные наемные рабочие использовались в прибалтийских и литовских, и также, хотя и в меньшей мере, в южных степных губерниях, т. е. районах наиболее быстрого развития аграрного капитализма. Доля постоянных наемных рабочих по отношению к общему числу сельских работников доходила в отдельных из этих губерний до 30 % (Лифляндская — 30,5 %, Курляндская — 29,8 %).

Сезонные и поденные (особенно пришлые) наемные рабочие концентрировались в южном степном и юго-восточном, а также в средневожском районах. Только местные из этих работников составляли до 20 % общего числа деревенской рабочей силы (Таврическая губерния — 19,7, Самарская — 22,3, Саратовская — 18,7 %). Это были районы, в которых ощущался недостаток трудо-

вых ресурсов в деревне из-за быстрого расширения здесь на экстенсивной основе земледельческого производства. Так, в южном степном районе уже в 80-х гг. XIX в. этот недостаток исчислялся в 1,5 млн человек.

Вообще же подавляющая часть сельских наемных рабочих концентрировалась в производящих среднечерноземных и южных, и юго-восточных районах. Так, в 1900 г. на их долю приходилось две трети всех лиц, занятых местными земельными заработками, и подавляющая часть пришлых рабочих.

Значительный избыток сельской рабочей силы был в центральных районах Европейской России. В отдельных губерниях этих районов «отходники», люди, уходившие для работы по найму в сельском хозяйстве и промышленности, составляли от четверти до трети общего числа сельских работников (Ярославская губерния — 36,7, Калужская — 30,2, Тульская — 27,3 %).

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. обширный контингент сельского населения Европейской России был втянут в работу по найму в деревне, и имела место широкая миграция сельской рабочей силы. Вместе с тем очевидно, и это необходимо подчеркнуть, что в основном сельскохозяйственное производство в течение всей эпохи капитализма базировалось в крестьянском хозяйстве, господствующей форме этого производства, на собственном семейном труде*. В помещичьем хозяйстве, естественно, наемный труд был основой производства. Но и здесь, во-первых, еще широко сохранилась так называемая «отработочная» система, когда помещик не имел собственной производственно-технической базы и вел хозяйство, используя не только труд, но и рабочий скот и инвентарь крестьян, отработывающих арендную плату за землю или стоимость полученных от помещика различных ссуд. По сведениям земельной переписи 1916 г., до трети помещичьих посевов возделывались на основе отработочной системы. Во-вторых, и в помещичьем хозяйстве, исключая западную полосу Европейской России (Прибалтика, Литва, западные районы Правобережной Украины), преобладали не постоянные, а сезонные и поденные наемные рабочие.

В целом очевидно наличие в Европейской России в конце XIX — начале XX вв. развитого рынка сельских наемных рабочих.

Посмотрим теперь, в какой мере этот рынок был единым, т. е. в какой степени изменения цен на сельскую рабочую силу имели

* Подробнее вопрос о численности и размещении в Европейской России наемных сельских рабочих в конце XIX — начале XX вв. см. в работах: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX вв. (Опыт количественного анализа). М., 1974. С. 319—326; Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России. (Опыт многомерного типологического анализа) // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX в. М., 1991. Перевод статьи см.: Russian Review. 1988. Vol. 47. No. 4.

сопряженный характер, т. е. подчинялись общим для того или иного пространства факторам.

4. Степень развития единого рынка сельских наемных рабочих.

Как отмечалось, о степени развития единого рынка сельских наемных рабочих можно судить по упорядоченности общих тенденций динамики цен на рабочую силу и по сопряженности их изменений. Картина здесь была следующей*.

В конце XIX в. в период аграрного кризиса (по данным об уровнях цен и их временных трендах за 1883—1896 гг.) поденная плата сельских работников на собственном содержании в большинстве губерний (в 32 из 47) снижалась. Особенно значительным это снижение было в Южном и Юго-Восточном степных и средневожском районах, т. е. в районах более быстрого развития товарного торгового земледелия и с более высоким уровнем поденной платы. Некоторый рост имел место в 15 нечерноземных губерниях, имевших в начале 80-х годов наиболее низкий уровень поденной платы. Аналогичной была картина и с поденной платой работников, находившихся на хозяйском содержании. В целом произошло определенное выравнивание различий в уровнях поденной платы. Однако невысокие темпы изменения поденной платы обусловили то, что география уровней этой оплаты изменилась к началу XX в. сравнительно с началом 80-х годов XIX в. в целом несущественно. Наиболее высокой она оставалась в Южном Степном, а наиболее низкой в Литовско-Белорусском районах.

Динамика заработной платы сельских рабочих в начале XX в. характеризовалась ее быстрым ростом. Так, у работников на собственном содержании с 1899 по 1913 гг. минимальная поденная плата выросла с 40—50 до 75—100 копеек, а максимальная, соответственно, с 75—95 до 140—150 копеек. Особенно высокими темпы роста поденной платы были, с одной стороны, в Южном Степном районе, где ее уровень к началу века был наиболее высоким, а, с другой стороны, в Литовско-Белорусском, где этот уровень был наименьшим.

Указанный характер динамики зарплаты сельских наемных рабочих привел в начале XX в. к ее значительной нивелировке (см. табл. № 1).

Таблица № 1

Вариации поденной платы в период уборки урожая

Годы	Коэффициенты вариации (%)	
	на своем содержании	на хозяйском содержании
1883	30,0	36,8
1899	37,8	33,6
1913	25,5	25,4

* Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Указ. соч. С. 10.

Известно, что коэффициенты вариации менее 30 % свидетельствуют о низком уровне различий значений того или иного признака в той или иной совокупности объектов (в данном случае губерний Европейской России). Вариация в пределах 30—50 % является средней, а более 50 % — высокой.

Следовательно, в начале XX в. губернии Европейской России в плане различий в зарплате сельских наемных рабочих представляли собой в высокой степени однородную совокупность. Это значит, что высота этой зарплаты и ее изменения определялись прежде всего единими факторами. Основным из этих факторов была стоимость рабочей силы, издержки на ее содержание и воспроизводство. Такая ситуация могла иметь место на уже сравнительно высокой стадии развития единого рынка на сельскую наемную рабочую силу.

* * *

Посмотрим теперь, какова же была степень развития единого рынка сельской наемной рабочей силы. Показателем ее является теснота взаимосвязи изменений цен на рабочую силу. Она измеряется коэффициентами корреляции. В таблице № 2 указаны средние коэффициенты корреляции, выведенные из коэффициентов, отражающих тесноту изменения цен на рабочую силу в данной губернии с каждой из остальных губерний, входящих в район с тесной сопряженностью цен. Так, в 80-х годах XIX в. в один из таких районов входило 13 губерний. Средний коэффициент корреляции, например, по Вятской губернии (0,71) выведен из 12 коэффициентов, показывающих сопряженность изменения цен в этой губернии с каждой из остальных губерний.

Указанный регион простирался от Новгородской губернии на Северо-Западе до Приуралья на Востоке и средне-черноземной полосы на Юге. Большинство губерний региона входило в волжский речной бассейн. В целом более чем на половину (56,3 %) изменения здесь цен на рабочую силу определялись общими факторами.

Таблица № 2

Теснота взаимосвязи поденной платы в уборку урожая работника на собственном содержании (средние коэффициенты корреляции)

Губернии	1882—1891		1903—1913	
	I	II	I	II
<u>Северные и приуральские:</u>				
Архангельская	—	—	0,83	—
Онежская	—	—	0,83	—
Вологодская	—	—	0,79	—
Вятская	0,71	—	0,84	0,72
Пермская	0,79	—	0,65	—

Губернии	1882—1891		1903—1913	
	I	II	I	II
<u>Северо-западные и прибалтийские:</u>				
Петербургская	—	—	0,83	—
Новгородская	0,67	—	0,85	—
Псковская	—	—	0,86	—
Эстляндская	—	—	0,82	—
Лифляндская	—	—	0,85	—
Курляндская	—	—	0,86	—
<u>Литовские и белорусские:</u>				
Ковенская	—	—	0,84	—
Гродненская	—	—	0,78	—
Минская	—	—	0,85	—
Витебская	—	—	0,87	—
Могилевская	—	—	0,85	—
<u>Центрально-нечерноземные:</u>				
Смоленская	—	—	0,76	—
Московская	—	—	0,81	—
Владимирская	0,68	—	0,65	—
Нижегородская	0,65	—	0,79	—
Костромская	—	—	0,82	—
Ярославская	0,76	—	0,82	—
Тверская	—	—	0,80	—
Калужская	—	—	0,81	—
<u>Центрально-черноземные:</u>				
Тульская	0,79	—	0,64	—
Рязанская	—	—	0,77	—
Орловская	—	—	0,76	—
Тамбовская	0,73	—	—	—
Курская	—	0,72	0,66	—
Воронежская	—	—	0,70	—
<u>Средневолжские:</u>				
Казанская	0,75	—	0,65	0,80
Симбирская	0,76	—	0,73	0,82
Пензенская	0,80	—	0,67	0,72
Саратовская	0,82	—	0,64	0,76
<u>Украинские:</u>				
Харьковская	—	0,73	0,84	—
Полтавская	—	0,73	0,79	—

Губернии	1882—1891		1903—1913	
	I	II	I	II
Черниговская	—	—	0,84	—
Киевская	—	—	0,58	—
Подольская	—	—	0,72	—
Волынская	—	—	0,81	—
<u>Южно-черноземные:</u>				
Бессарабская	—	0,73	0,66	—
Херсонская	—	0,85	—	—
Таврическая	—	0,80	—	—
Екатеринославская	—	0,81	—	—
Донская	—	—	—	—
<u>Юго-восточные:</u>				
Уфимская	—	—	—	0,73
Самарская	0,83	—	—	0,75
Оренбургская	—	—	—	0,62
Астраханская	—	—	—	—
<u>Средний коэффициент по группе губерний</u>	0,75±0,04	0,78±0,05	0,77±0,02	0,74±0,05

С этим регионом в той или иной степени были связаны изменения цен на рабочую силу еще в шести примыкающих к нему губерниях (Витебская, Лифляндская, Курляндская, Костромская, Рязанская и Уфимская).

Второй регион тесной сопряженности изменения цен на сельскую наемную рабочую силу охватывал семь губерний центрально-Южно-черноземной полосы. С отдельными губерниями этого региона имели тесную взаимосвязь изменения цен на рабочую силу четыре примыкающие к нему губернии (Киевская, Черниговская, Орловская и Могилевская).

Таким образом, в 80-х годах XIX в. на территории Европейской России существовали два обширных региона, в которых сформировались единые рынки наемных сельских рабочих.

В начале XX в. (по данным за 1903—1913 гг.) на территории Европейской России сложился фактически единый рынок сельской наемной рабочей силы (см. табл. № 2). В 41 губернии изменения цен на нее находились в очень тесной сопряженности. Средний совокупный коэффициент корреляции равнялся 0,77, а детерминации — 59,3 %, т. е. изменения цен детерминировались здесь главным образом общими факторами.

С указанным огромным регионом был тесно связан, точнее говоря, в значительной мере «накладывался» на него Волжско-Восточный район, включавший восемь губерний. Пять из них (Вят-

ская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Саратовская) входили в большой регион, а три (Самарская, Оренбургская, Уфимская) примыкали к нему.

Из губерний, не входивших в два указанных региона, были связаны с первым из них Донская область (имела тесную взаимосвязь с Саратовской, Симбирской и Казанской губерниями), Тамбовская (с Рязанской, Курской, Орловской и Воронежской) и Херсонская (с Бессарабской, Подольской, Киевской) губернии.

Лишь две губернии, Таврическая и Екатеринославская, отличавшиеся самым высоким уровнем и быстрым ростом цен на сельских наемных рабочих, не имели тесной взаимосвязи в их изменениях с другими губерниями. В этих изменениях решающую роль играла местная конъюнктура.

Аналогичной в начале XX в. была и картина взаимосвязи изменений цен на работников, находившихся на собственном содержании. В 39 губерниях имела место тесная взаимосвязь этих изменений (средний по всей совокупности коэффициент корреляции равнялся $0,77 \pm 0,03$). С рядом губерний этого региона имели тесную взаимосвязь Донская, Самарская, Оренбургская, Уральская, Пермская, Подольская, Бессарабская и Херсонская губернии. Как и по работникам на собственном содержании особняком оставались лишь Таврическая и Екатеринославская губернии.

Таким образом, в начале XX в. фактически на всей территории Европейской России существовал единый рынок на сельских рабочих в кульминационный период сельскохозяйственного сезона, т. е. в период уборки урожая.

Однако с возникновением тесной сопряженности в общих изменениях цен на рабочую силу процесс формирования единого рынка сельских рабочих не завершается. Предельной стадией этого процесса является установление такой сопряженности в случайных колебаниях цен.

Общие изменения цен, о которых речь шла выше, отражают, с одной стороны, основные тенденции их динамики, обусловленные прежде всего движением общественно-необходимых затрат на воспроизводство рабочей силы, а с другой — воздействие на общие изменения цен всякого рода случайных и местных факторов. Величина случайных колебаний цен во временных рядах их фактических значений представляет собой отклонение этих значений от усредненных уровней цен, выявляемых в результате аналитического выравнивания рядов исходных (фактических) данных.

Вычисление коэффициентов корреляции случайных колебаний поденной платы работникам на хозяйском содержании в период уборки в начале XX века (данные за 1899—1913 гг.) дало следующие результаты.

Тесная взаимосвязь случайных колебаний цен имела место в 20 губерниях, охватывавших нечерноземную полосу, и в 11 губерниях центральных и прежде всего черноземных (усредненные коэффициенты корреляции соответственно равнялись $0,75 \pm 0,03$ и

0,73±0,04). Кроме того, выделялись обширный Приволжский и Донской районы из семи губерний (Вятская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Саратовская, Самарская, Донская) и Юго-западный район (Полтавская, Киевская, Подольская и Херсонская губернии).

В целом уровень развития единого рынка сельских рабочих на его высшей стадии (сопряженность случайных колебаний поденной платы) был меньшим, чем в его интегральном выражении, проявлявшемся в сопряженности общих изменений цен на рабочую силу. Это естественно, ибо случайные колебания в несравненно большей мере, чем общие изменения цен, вызывались разного рода скоротечными факторами. В условиях же преобладания в отдельных местностях разных форм сельского наемного труда (рабочие пришлые и местные, постоянные, срочные и поденщики, на собственном и хозяйском содержании) установление тесной сопряженности случайных колебаний цен на сельских рабочих вообще едва ли возможно.

Такова конкретная картина развития единого рынка сельских наемных рабочих в Европейской России конца XIX — начала XX вв. Она свидетельствует, во-первых, об интенсивных сдвигах формирования этого рынка в начале XX в. и, во-вторых, о сравнительно высоком уровне его развития. Это, несомненно, говорит о том, что в сельскохозяйственном производстве Европейской России в начале XX в. господствовали рыночные по своей форме и буржуазные по своему социально-экономическому содержанию отношения.

Для суждения о том, каков был общий уровень развития аграрного капитализма и каковы были в России его основные особенности и противоречия, следует сопоставить развитие единого рынка сельских наемных рабочих с развитием других компонентов аграрного рынка.

5. Общий уровень развития аграрного рынка в начале XX в. и его особенности.

Выше уже отмечалось, что показателем наличия и степени развития буржуазного аграрного рынка является развитие простых товарных рынков на основные компоненты сельскохозяйственного производства — его продукцию, средства производства, рабочую силу и землю. Положение здесь было таким.

Единые товарные рынки на основную продукцию земледельческого производства (на рожь и овес) сформировались к 80-м годам XIX в.* Так и общие изменения и случайные колебания цен на рожь находились в очень тесной сопряженности на всей территории Европейской России. В 1883—1899 гг. совокупные средние коэффициенты корреляции по 49 губерниям (отсутствуют лишь

* Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Указ. соч. Гл. 5.

систематические данные по Астраханской губернии) составляли по общим изменениям $0,87 \pm 0,01$ и по случайным колебаниям $0,89 \pm 0,01$, т. е. были едва ли не предельно высокими. Такой же была ситуация в это время и с ценами на овес. Совокупный средний коэффициент корреляции по общим изменениям цен в 42 губерниях составлял $0,71 \pm 0,02$. С ним были связаны четыре губернии Приуралья и Юго-Востока. Теснота случайных колебаний цен на овес была еще выше (по 46 губерниям $0,76 \pm 0,02$).

В конце XIX — начале XX вв. Россия была тесно связана с европейским хлебным рынком*.

Показателем энергетической вооруженности сельскохозяйственного производства в России в конце XIX — начале XX вв. является обеспеченность рабочим скотом (лошадьми и рогатым рабочим скотом), ибо машин, приводимых в движение паром и двигателями внутреннего сгорания, было крайне мало.

В начале XX в. сопряженность общих изменений весенних цен на рабочих лошадей была очень высокой. В 1904—1913 гг. общий средний коэффициент корреляции по 49 губерниям составлял $0,82 \pm 0,02$. Изменения цен на рабочий скот повсеместно в Европейской России определялись общими факторами.

Очень тесной была взаимосвязь и в случайных колебаниях цен на рабочий скот. В 1899—1913 гг. в 30 губерниях нечерноземной и черноземной полосы теснота взаимосвязи этих колебаний составляла $0,74 \pm 0,02$. С этим громадным регионом были связаны три губернии Юго-Запада (Херсонская, Бессарабская, Волынская) и три Приволжских губернии (Казанская, Симбирская, Пензенская). Лишь три губернии Юго-Востока (Донская, Саратовская и Астраханская) и три приуральских губернии (Вятская, Пермская, Уфимская) составляли отдельные районы тесной взаимосвязи случайных колебаний цен на рабочий скот.

Следовательно, в начале XX в. в Европейской России в целом сформировался единый рынок на рабочий скот, т. е. на основной компонент средств производства**.

О складывании единого рынка на средства производства свидетельствует и тот факт, что в обширных регионах сходных условий сельскохозяйственного производства уровень его обеспеченности рабочим скотом был весьма сходным. Так, например, в самом начале XX в. на 100 десятин (десятина примерно равна одному гектару) посевов приходилось рабочего скота: в Южной черноземной полосе (от Воронежа и Саратова до Крыма и Бессарабии) 15—18, в Центрально-черноземной полосе — 19—22, в Западной и Северо-западной — 30—37 голов.

* Измествева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка. Конец XIX — начало XX вв. М., 1991. Гл. II.

** Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Указ. соч. Гл. 9.

Таким образом, в начале XX в. в Европейской России в основном сформировались и достигли высокого уровня развития единые рынки на продукцию земледелия, средства производства и рабочую силу. Цены на эти компоненты сельскохозяйственного производства определялись средними общественно необходимыми затратами на их воспроизводство. Тем самым сложились условия для возникновения единого аграрного товарно-капиталистического рынка. Однако его формирование в целостном виде далеко еще не завершилось. Главная тому причина — отсутствие единого земельного рынка.

Ситуация здесь была такой, что в начале XX в. даже в таком аспекте, как общие изменения цен на землю, сформировались лишь отдельные регионы их тесной сопряженности (см. табл. № 3). Наиболее обширным из них был среднечерноземный с примыкающими к нему губерниями Приуралья и Юга.

Таблица № 3

Сопряженность общих изменений цен на землю в 1901—1910 гг.
(средние коэффициенты корреляции)

Губернии	Районы		
	I	II	III
Нижегородская	0,73	0,80	—
Казанская	—	0,79	—
Пензенская	0,71	0,79	—
Симбирская	0,71	—	—
Тульская	0,78	—	—
Орловская	0,70	—	—
Тамбовская	0,81	—	—
Курская	0,81	—	—
Воронежская	0,70	—	—
Харьковская	0,75	—	0,79
Полтавская	0,81	—	0,80
Екатеринославская	—	—	0,62
Херсонская	—	—	0,64
Бессарабская	—	—	0,82
Донская	0,75	—	0,75
Оренбургская	—	0,78	—
Уфимская	—	0,72	—
В среднем	0,74±0,04	0,78±0,06	0,74±0,06

Что касается взаимосвязи случайных колебаний цен на землю, то они имели место лишь в отдельных парах губерний. Иначе говоря, на своей высшей стадии единый земельный рынок даже не начал формироваться. Да и сопряженность общих изменений цен

на землю в указанных районах не означала складывания единых региональных земельных рынков.

Особенностью России было то, что свободное рыночное обращение земли было ограниченным. Из него вплоть до столыпинской аграрной реформы были исключены надельные крестьянские земли. А они, как указывалось, составляли большую часть земли, принадлежавшей крестьянам и другим индивидуальным владельцам (139,7 млн десятин из 219 млн десятин).

Столыпинская аграрная реформа сняла запрет со свободного рыночного обращения надельных крестьянских земель. Но в 1908—1915 гг. в продажу поступило всего 4 млн десятин надельных земель (или 2,8 % всей их площади)*, т. е. земельный рынок так и остался ограниченным, помещичьим, прежде всего дворянским по своей сословно-социальной сущности.

Но отсутствие даже в своей низшей форме, которой является сопряженность общих изменений цен, единого земельного рынка в условиях, когда уже сформировались единые рынки на сельскохозяйственную продукцию, средства производства и рабочую силу, становилось основным препятствием для складывания единого капиталистического аграрного строя. Конкретно это выражалось в том, что не могла сложиться единая средняя норма прибыли ни в сельскохозяйственном производстве, ни в народном хозяйстве в целом.

А это является непременным условием равенства всех капиталов независимо от сферы их приложения и их свободного перелива из одной сферы в другую, что обеспечивает структурно-гармоничное производственно-экономическое развитие.

Указанное противоречие, на которое, к сожалению, не обращают внимания даже специалисты в области экономической истории России, было одним из ведущих объективных факторов, обострявших аграрно-крестьянский вопрос.

Другим аспектом негативного воздействия на ход аграрного развития страны, неразвитости земельного рынка был все возрастающий земельный гнет, который испытывало крестьянство. Господство экстенсивных форм сельскохозяйственного производства, требовавшее расширения обрабатываемых земель, порождало и обостряло нужду крестьян в земле, ибо фонд надельных земель, полученных после отмены крепостного права, фактически оставался неизменным.

Основным источником расширения землепользования крестьян была покупка и аренда частновладельческих, прежде всего дворянских земель. Но и то и другое требовало больших средств, ибо и продажные и арендные цены на землю были высокими и быстро росли. При этом, и именно из-за неразвитости земельного

* Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 361.

рынка, имело место несоответствие между ценой земли и арендной платой за нее. При нормальном функционировании земельного рынка цена земли представляет собой капитализированную из определенного процента ренты. В России такого соотношения не было. Например, накануне Первой мировой войны в черноземных губерниях средняя цена земли равнялась 148 руб., а арендная плата — 15,7 руб. за десятину. При ссудном проценте, равном в это время пяти процентам, либо цена земли должна была составлять 314 руб., либо арендная плата — 7,4 руб. В данном случае является завышенной арендная плата. Острая нужда в земле крестьян и монопольное положение на земельном рынке помещиков (прежде всего дворян) позволяли устанавливать завышенную сравнительно с ценами земли арендную плату на нее. Во что это выливалось для крестьян хорошо видно из следующих данных.

К 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 миллиарда руб. выкупных платежей за полученную ими при отмене крепостного права землю. В 1863—1910 гг. ими было истрачено 2 млрд руб. на покупку земли. В конце XIX — начале XX вв. они арендовали ежегодно не менее 20 млн десятин земли. В конце XIX в. на это уходило примерно 150 млн руб. в год, а в начале XX в. — 200—250 млн руб. Следовательно, за аренду земли в конце XIX — начале XX вв. была выплачена сумма, заметно превышающая выкупные платежи и стоимость покупки земли. Насколько были высоки указанные суммы очевидно из того, что стоимость в начале XX в. всего земельного фонда, принадлежавшего помещикам, равнялась всего четырем миллиардам рублей. Огромные средства были отвлечены от производственной деятельности крестьян.

Привилегированное помещичье землевладение было в начале XX в. основным тормозом буржуазного аграрного (и не только аграрного) прогресса. Необходимость его устранения становилась все более очевидной. По своей социально-экономической сущности это была буржуазно-демократическая задача. Но историческая ситуация была такова, что в России начала XX в. решить эту задачу, т. е. ликвидировать помещичье землевладение, не затрагивая основ буржуазного строя, было невозможно. Привилегированная, сословная, полуфеодальная дворянская собственность срослась с буржуазными отношениями и собственностью. Треть частновладельческих земель принадлежала недворянам — купцам, мещанам и крестьянам. Основная масса владельческих земель была заложена в земельных, прежде всего акционерных, т. е. буржуазных, банках, и под них было выдано к 1915 г. 3,5 миллиарда рублей ссуд. С другой стороны, помещикам-дворянам был присущ социальный дуализм. Одни и те же лица одновременно являлись и полуфеодальными привилегированными землевладельцами, использующими кабальные методы эксплуатации крестьян, и аграриями-буржуа, ведущими свое хозяйство на основе собственной производственно-технической базы и свободного найма. К тому же многие из них были и предпринимателями — промышленниками и банкирами.

В итоге было невозможно упразднить полуфеодалное помещичье землевладение, не затрагивая буржуазную собственность и буржуазные отношения. Так, ходом истории снималась возможность решения аграрного вопроса буржуазно-демократической революцией и возникала потребность революции не только антифеодалной, но и антибуржуазной.

Своеобразие сложившейся исторической ситуации первыми наиболее отчетливо уяснили не последовательные сторонники буржуазно-демократической революции в лице социал-демократов, а те, против кого эта революция была направлена, а именно — дворянство.

Так, в основных положениях по аграрному вопросу, принятых Первым съездом уполномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: «Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т. д., т. е. к социалистическому строю»*. В данном случае представителям господствующего сословия нельзя отказать в исторической проницательности.

Указанное обстоятельство было глубинной причиной и того, что буржуазия не поддержала революцию 1905—1907 гг., а без этой поддержки она не могла победить. Провалился и альтернативный путь решения аграрно-крестьянского вопроса, а именно, столыпинская аграрная реформа. Ее не приняло крестьянство. Не могла решить аграрно-крестьянский вопрос и февральская революция 1917 г. в силу его антибуржуазной направленности. Возможным и необходимым для преодоления кризиса, который переживала страна, и не только в сфере аграрной, оставался путь народно-демократической, антипомещичьей и антибуржуазной революции во главе с пролетариатом. В победе этой революции были заинтересованы и широкие крестьянские массы, ибо она могла дать им землю и мир. Это уяснили и использовали большевики во главе с Лениным.

Машинописный текст без подписи с правкой автора.

* Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина: Сборник материалов. М., 1973. С. 81.